

Годунов

ПОСЛЕДНЯЯ
КРОВЬ

Смерть Бориса Годунова —
трагедия или освобождение для России?

Александр Бубенников
Годунов. Последняя кровь

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бубенников А. Н.

Годунов. Последняя кровь / А. Н. Бубенников — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105012-2

Смерть Бориса Годунова усилила тяжелейший государственно-политический и социальный кризис в России. Предельно уставший от Смуты русский народ собирает ополчение. Люди продают дворы и отдают все последнее ради спасения Москвы и освобождения Кремля. Военачальниками ополченцев становятся князь Дмитрий Пожарский и его помощник Кузьма Минин. Эти русские богатыри поставили перед собой задачу любой ценой взять Китай-Город и Кремль и освободить русскую столицу от польско-литовских оккупантов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105012-2

© Бубенников А. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Бубенников

Годунов. Последняя кровь

Глава 1

По всей Русской Земле летом и осенью 1611-го словно что-то закипало, зашумело из сердцевины, из глубин затаившейся, надолго замолкшей природной или народной души, как будто предвестья близкой природной и народной душевной бури дали о себе знать; какие-то дивные и странные слухи стали распространяться от города к городу, от селения к селению, а слухи и шорохи подхватывал ветер и переносил слуховые поветрия от поля к полю, от речки к речке, от леса к лесу, от сердца к сердцу, от души к душе человеческой. И всё это было естественным глубинным откликом на письма-грамоты, которые рассылал архимандрит Троицкого монастыря Дионисий в низовые города и селения Русской Земли и в которых для набожного народа, ждущего спасения от Великой Русской Смуты через Божию Небесную помощь говорилось:

«Православные христиане, вспомните наконец свою истинную православную христианскую веру... Покажите подвиг свой, молитесь служилых людей, чтоб быть всем православным христианам в соединении, стать сообща против предателей христианских, Михайлы Салтыкова и Федьки Андропова, и против вечных врагов христианства, польских и литовских людей. Сами видите конечную от них погибель всем христианам, видите, какое разорение учинили они в Московском государстве. Где святые Божии церкви и Божии образы? Где иноки, сединами цветущие? Инокони, добродетелями украшенные, не всё ли до конца разорено и обругано злым поруганием; не пощажены ни старики, ни младенцы грудные... Пусть служилые люди без всякого мешканья спешат к Москве, в сход к боярам, воеводам и ко всем православным христианам».

Ключевыми словами в разосланных многочисленных грамотах Дионисия были призывы к сопротивлению и борьбе против внутренних предателей христианства, засевших в Москве и Кремле, и против внешних врагов православия, поляков и литвы. Набожный православный русский народ, слушающий и читающий эти грамоты из Троицы с надеждой на молитвенное спасение через Божию помощь, считал необходимым особым способом очиститься от грехов Русской Смуты и умилоствовать Бога великим покаянием и строгим постом. С подачи монахов Троицкого монастыря по всем городам и селениям люди приговорились поститься три раза в неделю: в понедельник, вторник и среду ничего не есть, не пить, а в четверг и пятницу – сухо есть... Так приготавлился народ русский к великому делу – отпору Смуте в своей многострадальной земле в огромном душевном желании сопротивляться Смуте и подняться на борьбу с внутренними предателями и внешними врагами православного христианства и положить раз и навсегда конец Русской Смуте, разложившей основы народной праведной жизни, сломавшей хребет и скрепы Московского государства...

А что же бояре и дворяне московские, засевшие в Кремле, жаждущие своего спасения не через помощь Небесную Божию, а через «земную помощь» со скорым прибытием в Москву польского войска короля Сигизмунда под началом гетмана Ходкевича? Внутренним русским «кремлёвским предателям» вместе с польскими отрядами Гонсевского, в окружении Кремля и Китай-города казацкими войсками Заруцкого и Трубецкого, была просто необходима воинская и продовольственная помощь гетмана Ходкевича. Но Ходкевич по каким-то причинам задержался с «земной королевской помощью» и подошёл к стенам Москвы только в октябре. Ему даже удалось доставить осаждённому измождённому польскому гарнизону и боярам-предате-

лям незначительную продовольственную помощь. Гетман Ходкевич был опытным полководцем, чтобы чётко и правильно оценить ситуацию в Москве: пожары 15 сентября при бомбардировке Китай-города войсками Заруцкого и Трубецкого практически полностью уничтожили запасы фуража, в первую очередь продовольствия. Гетман разумно предпочёл ретироваться из столицы и отойти на зимовку в монастырскую обитель Рогачёва. Усмотрев в действиях Ходкевича нежелание предоставить «земную помощь кремлёвским сидельцам», бояре-предатели решили направить к королю Сигизмунду новое посольство во главе с боярином Михаилом Глебовичем Салтыковым. Грамота посольства Салтыкова начиналась верноподданническими словами: «Наияснейшему великому государю Жигимонту Третьему и проч. великого Московского государства ваши государские богомольцы: Арсений, архиепископ Архангельский, и весь Освященный собор, и ваши государские верные подданные, бояре, окольные» (среди подписантов были, разумеется, боярин Иван Никитич Романов «Каша» и юный болезненный стольник Михаил Фёдорович Романов). Потом в грамоте говорилось, что новое посольство Салтыкова отправляется потому, что старое посольство Филарета Романова, как писал сам Сигизмунд, действовало не по тому наказу, который был ему дан, ссылаясь с «вором», а также с осаждёнными в Смоленске и другими изменниками.

Только посольство Салтыкова представляло не всё Московское государство, а всего несколько десятков бояр и дворян, запертых в Кремле. Король Сигизмунд, испытывая законную радость от признания его «первыми московскими людьми» государем Московским, в принципе, не имел никакой возможности оказать «земную помощь» своим новым верноподданным и гетману Ходкевичу войском из-за отсутствия в польской казне денег. Это была тупиковая ситуация близкого краха союза предателей-коллаборантов с иноземными польскими захватчиками: гетман Гонсевский, засевший с боярами в Кремле, не имел сил удерживать всю Москву в своих руках, король Сигизмунд не мог выручить Гонсевского и бояр-предателей, а войска Заруцкого и Трубецкого не могли взять Москву с Кремлём.

Но недаром в грамотах Дионисия из Троицкой обители говорилось о скорой Небесной Божией помощи православным христианам и православному Московскому государству: народ призывался готовиться к великому делу освобождения от иноземных захватчиков и внутренних предателей-коллаборантов. Наверное, архимандрит Дионисий угадывал настроение русского православного народа: оно было таково, что в череде поголовных измен и предательств верхов, да и в низах, в казацкой среде, народ был готов всеми своими силами подняться на освободительную борьбу, когда просто обязана появиться новая свежая сила, способная сплотиться вокруг сильных народных организаторов-праведников и военачальников-вождей...

В октябре 1611 года в Нижнем Новгороде была получена грамота Дионисия из Троицкой обители. Грамоту решили прочитать в соборной Спасо-Преображенской церкви. Ударили в большой соборный колокол, несмотря на то что день был непраздничный. Народ в Нижнем понял, что неспроста звонят в соборе большим колокольным звоном. Скоро церковь св. Спаса была забита до отказа местным возбуждённым народом.

После торжественной обедни протопоп Савва Ефимьев перед зачитанием грамоты из Троицы, знавший о хождении воззваний Дионисия в Русских землях, обратился к народу с речью:

– Православные христиане, горе нам! Пришли дни конечной гибели нашей. Гибнет наше Московское государство; гибнет с ним и наша православная вера. Горе нам, великое горе. Литовские и польские люди в нечестивом своём совете умыслили Московское государство разорить и обратить истинную веру Христову в латинскую ересь. Кто тут не заплачет? Ради грехов наших Господь попустил врагам нашим возноситься. Горе нашим жёнам и детям! Еретики разорили до основания богохранимый град Москву и предали всеядному мечу детей её. Что нам творить? Не утвердиться ли нам на единение и не постоять ли за чистую непорочную Христову веру, и за святую соборную церковь Богородицы, и за целебные мощи московских

чудотворцев... А вот в моих руках грамота властей Живоначальной Троицы, монастыря святого Сергия, которую я решил прочесть вам...

И была прочтена протопопом Саввой грамота Дионисия, призывающая весь народ русский на спасение стольной Москвы и православной веры. Чтение грамоты закончилось великим умилением народа и его обильными слезами. И тут же послышались вопросы встревоженных людей и горестные восклицания:

– Что же нам делать?..

– Горе нам, гибнет государство Московское...

– Как помочь Москве и государству Московскому, если всё уже погибло, казалось бы, без возврата?..

И тут же раздался громкий голос:

– Не всё погибло в Москве. Надо ополчаться и идти на помощь Москве. – Это воскликнул земской староста Кузьма Минин Сухорукий с сияющими глазами, из которых во время чтения грамоты Дионисия пролились на землю обильные слёзы. – Ополчаться надо нам...

Он не стал говорить народу, толпившемуся у соборной церкви, как до этого утром рассказал своим родичам, ещё до колокольного большого звона, что ему несколько раз являлся во сне святой Сергий Радонежский и сурово приказал «возбудить уснувших». И в этот знаковый для Нижнего день св. Сергий явился к нему, земскому старосте, и обязал заговорить «по делу» после прочтения грамоты из Троицы протопопом.

– Православные люди! – обратился Минин к народу громким голосом, твёрдо решив не вспоминать мистические сны, а сразу «выступить по существу дела». – Коли хотим помочь Московскому государству, не пожалеем достояния нашего... Дворы свои продадим... Жён и детей заложим и станем челом бить, искать, кто бы вступился за истинную православную веру и стал бы у нас первым военачальником!.. Дело великое совершим, если Бог поможет...

– А если Бог нам не поможет?

– А ежели, как всегда, дьявол вмешается, – что тогда?

Нашлись и такие возражающие и осторожные люди с «законными» сомнениями. И первым из таких был стряпчий Биркин:

– Откуда ты знаешь, что тебе с твоими призывами Господь поможет? Где гарантии?.. Такое дело больших денег потребует – откуда соберёшь, Кузьма?..

– Я верю, и я знаю: только мы здесь в Нижнем подыдемся на это великое дело, другие города пристанут к нам, и мы избавимся от врагов православия... – Кузьма Минин возвысил голос до предела. – Пусть мы сами не искусны в ратном деле, так станем и кличем кликать вольных служилых людей... военачальников сильных и искусных найдём... Только начать надо правильно, с верой в свои силы, в Божью помощь...

– Опять, Кузьма, ты напирал на Небо, а будь на земле, стой на ней, знай своё место, сирое и убогое... – напирал Биркин. – И не высовывайся, чудак, скажи лучше, а казны нам откуда взять служилым людям?

Минин долго расчёсывал себе затылок, размышляя, что отвечать Биркину. Но ответил с горящим, не тухлым, как у Биркина, взглядом и твёрдым, не терпящим возражения голосом:

– Я убогий с товарищами своими, всех нас две тысячи пятьсот человек, а денег у нас в сборе 1700 рублей... Брали третью деньгу... У меня было 300 рублей, и я 100 рублей в сборные деньги принёс... И ещё принесу... Так же и вы все делайте...

– Будь так, будь так, как староста сказал, – закричали в ответ люди и начали тут же сбор денег.

И начались частые сходки у Кузьмы Минина, которого все жители Нижнего Новгорода хорошо знали и уважали за деятельный характер, принципиальность, бескорыстие, все были уверены, что в святом деле помощи государству ни одна копейка не пропадёт у земского старосты. Желание послужить великому делу освобождения было так сильно в Нижнем у торговых

людей и ремесленников, что сбор «по третьей деньге», то есть по третьей части имущества, многих патриотов уже не удовлетворял: многие жители стали жертвовать в казну ополчения гораздо больше.

– Чего мы тебе доверились, Кузьма? – как бы шутейно спросил Минина один купец, пожертвовавший «по второй деньге».

И пришлось Минину рассказать о своих мистических снах, в которых ему многожды являлся святой Сергей с настойчивым требованием «возбуждать уснувших», пробуждать у них уснувшую совесть и совсем не квасной безликий патриотизм.

Прослышав про это, а может быть, и без всякой связи с мистическими «Сергиевыми снами», однажды к Минину явилась одна вдова и принесла на ополчение огромные деньги, целых десять тысяч рублей. Сказала, как на духу, передавая деньги Минину:

– Я осталась после моего погибшего мужа одна-одинёшенька, нет у меня детей, а родственников тьма, и каждый из них норовит подоить богатую вдовушку. Было у меня от мужа двенадцать тысяч рублей, отдаю тебе десять, а себе оставляю всего две... Как думаешь, староста, муж покойный меня понял бы? Или сторону родичей взял, что с меня деньги тянут, а ни копейки не дали в казну ополчения?

– Понял бы тебя твой погибший супруг, – сказал Минин. – Благодарю тебя за помощь нашему Отечеству, оказавшемуся в беде, славная горожанка Нижнего... А с твоими родичами я поговорю ещё... Кто не хочет давать третью деньгу добровольно, у того мы возьмём всё убеждением и, если надо, силой... Силу иногда на нашей земле тоже надобно применять...

Глава 2

Но прежде чем собирать войско и скликать сильных и опытных ратных людей, надо было определиться с военачальником народного ополчения. Такое великое святое дело, которое началось в Нижнем Новгороде с лёгкой руки Кузьмы Минина, надо было отдать в чистые руки глубокоуважаемого и обязательно совестливого человека. Остановились нижегородцы на князе Дмитрие Михайловиче Пожарском, из многих бояр и князей это была самая верная и надёжная кандидатура. Чуть ли не единогласно решили нижегородцы звать на воеводство великого народного ополчения князя Дмитрия Пожарского, который залечивал тогда свои раны, полученные в Московском погроме, в Суздальском уезде, в селе Мугреево, расположенном недалеко от Нижнего Новгорода. Ратное дело князь знал хорошо, большой воинский талант и мужество проявил при защите Зарайска от Лжедмитрия Второго, в битве под Котлами против атамана разбойничьих войск Болотникова, а потом и в Московском восстании против поляков.

Когда из Нижнего Новгорода послали бить челом к раненому Пожарскому, тот с достоинством отвечал:

– Раны мои не повод отказывать такому высокому обществу. Надо так надо. Всегда рад я послужить своей земле и своему несчастному народу. Буду рад я и за православную веру страдать до самой своей смерти, и пусть эта смерть лучше случится в бою за Отечество православное, чем в безделье на печи. Но у меня есть условие одно к вам...

– Какое условие, воевода? – насторожились нижегородцы. – Говори без утайки, как на духу.

– А такое условие, чтобы вы должны избрать из ваших посадских людей такого человека, который был бы со мною всегда в моём военном деле и ведал бы казной для жалованья ратным людям. Не мне же самому казной заниматься – как, есть у вас такой человек, к чистым рукам которого ни одна ржавая копейка не прилипнет?..

Стали нижегородские послы раздумывать при воеводе, кого бы им выбрать в помощь князю «заведовать казной ополчения», стали шушукаться между собой. Но Пожарский не дал им практически никакого тягучего времени на долгое раздумье:

– Вот что, есть у вас в городе такой человек, Кузьма Минин. Земля слухами полнится. Вот и до меня слухи дошли, он человек совестливый, бывалый, организатор хороший, в торговле проявил себя, уважают его. С него ведь дело великое сбора средств на народное ополчение началось – не так ли?

– С него, с Минина Сухорукого.

– Вот видите, ему такое дело за обычай торгового человека, знающего счёт каждому рублю и каждой копейке. – Улыбнулся князь Пожарский. – У нас с ним разногласий не будет, я думаю. Я наслышан о нём только самого хорошего... К тому же к нему во сны часто святой Сергей Радонежский наведывается... Это тоже хорошо... Мой тёзка Дмитрий Донской недавно перед битвой с Мамаем на благословление к святому Сергию ходил... А мне нужен рядом человек, который во снах со святым Сергием общается напрямую, может, что и мне посоветует...

Когда посланцы к Пожарскому вернулись в Нижний Новгород и рассказали о желании князя видеть рядом с собой Минина, нижегородцы стали бить челом Кузьме, чтобы он потрудился на благо общества, стоял у мирской воинской казны ополчения. Минин поначалу отказывался от такой великой ответственности, но потом согласился с условием: пусть нижегородцы напишут такое общее распоряжение, что ничего не пожалеют для пополнения казны в великом деле освобождения Отечества от иноземных захватчиков.

Весть о том, что из Нижнего Новгорода скоро пойдёт на Москву народное ополчение Пожарского – Минина, быстро разнеслась по Русской Земле, ратные вооружённые силы стали подходить к нижегородцам со всех сторон. Пожарский с нижегородцами рассылал по всем большим городам грамоты народного ополчения, в которых говорилось, между прочим, следующее:

«Теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, идём на помощь Московскому государству. К нам из многих городов прибыли дворяне, и мы приговорили имение своё и дома с ними разделить и жалованье им дать. И вам бы также поскорее идти на литовских людей. Казаков не бойтесь: коли будем все в сборе, то всею землёю совет учиним и вора не позволим ничего дурного делать... Непременно надо быть вам с нами в одном совете и на поляков вместе идти, чтобы по-прежнему казаки не разогнали бы нашей рати...»

В призыве грамот «не бояться казаков» всё же проскальзывала теневая сторона обращения: робели ополченцы перед казаками, побаивались смелые воины второго народного ополчения вместе со своим опытным военачальником Пожарским лихих казаков из первого ополчения...

Эти грамоты читались повсюду на мирских сходах, город сносился с городом через грамоты, собирались народные деньги на «всеобщее народное ополчение». Опять, после неудачи первого ополчения Ляпунова, собиралась на бой Русская Земля своим более организованным вторым народным ополчением Пожарского и Минина. О серьёзности намерений его вождей говорило хотя бы то, что ополченцам сразу же при выходе из Нижнего Новгорода было роздано жалованье: сотники и десятники получили по 50 рублей, конные дворяне – по 40 рублей, остальные – по 20 рублей. Вожди второго ополчения знали, что для ведения войны потребуется денег гораздо больше, чем собрано и роздано ополченцам, потребуется осторожность обращения с деньгами при понимании непреложного факта, что не только поляки – враги Москвы, но и казаки, и предатели-коллаборанты, засевшие в Кремле, – из той же породы опасной и злодейской...

Поляки и предатели-бояре, прознав о сборе второго ополчения в Нижнем и скором выходе его на «священную битву» с врагами Москвы, начали уговаривать патриарха Гермогена, чтобы тот написал в Нижний Новгород и запретил его организаторам поход на столицу. Были долгие и мучительные уговоры изменников, самыми активными из которых были «первый боярин» Мстиславский, «златоуст-Каша» с нечленораздельной речью – Иван Никитич Романов, мол, ты, патриарх, должен изменить опасную для них ситуацию в корне:

– Ты же не хочешь нового пролития русской крови, останови их, нижегородцев, запрети им идти на Москву...

Но сломить изменникам патриарха, склонить на свою сторону никак не удалось. И удастся ли – вопрос из вопросов. Ответ на вопрос изменников Гермогена был твёрдым и непреклонным:

– Да будет милость Божия над ними, идущими на Москву, и от нашего смирения благословение... А на изменников пусть изольётся великий гнев от Бога... А от нашего смирения да будут прокляты московские окаянные изменники в сем веке и в будущем...

Суровое проклятие стойкого патриарха распространялось не только на боярина Ивана Кашу Романова и других «первых бояр», преуспевших в изменах и предательствах, но и на юного стольника Михаила Романова, активного приспешника польских оккупантов. Лстыивые «романовские летописцы» наверняка записали бы им в подвиг «борьбу с поляками», если бы Иван Никитич Романов и Михаил Фёдорович с матушкой заперлись у себя на подворье и носы оттуда не высывали. Но все Романовы и их многочисленные родичи сидели кто в Москве, кто в самом Кремле, влившись в боярскую массу предателей-коллаборантов, не конфликтуя с польскими оккупантами по поводу лошадиной туши или снопа овса. Были бы конфликты Рома-

новых с поляками в Кремле, то было отражено летописцами и свидетелями, – только Романовы жили с поляками «душа в душу».

Кремлевские предатели и Романовы в их числе в январе 1612 года рассылают в ответ на грамоты народного ополчения грамоты «московских бояр», где обличались князь Трубецкой и казацкий атаман Заруцкий:

«Теперь князь Дмитрий Трубецкой да Иван Заруцкий стоят под Москвой на христианское кровопролитие и всем городам на конечное разоренье... Ездят от них из табора по городам беспрестанно казаки, грабят, разбивают и невинную кровь христианскую проливают, насилюют православных христиан, боярынь и простых жён берут на блуд, девиц растлевают насильством мучительским, церкви разоряют, иконы святые обдирают и многие скаредные дела на иконах делают, чего ум наш страшится написать... А мы прихода большого войска королевича Владислава ожидаем с радостью... Сами можете рассудить, что Московское государство усмирить и кровь христианскую унять можем только королём Сигизмундом и сыном его Владиславом...»

Пугая народ русский большим польским войском Сигизмунда и Владислава, бояре ничего не приукрашали, говоря о зверствах и бесчинствах казаков Заруцкого и Трубецкого. Только в грамоте «московских бояр» ничего не говорилось о заточении с их ведома в темнице патриарха Гермогена, противящегося боярскому предательству, бьющегося из последних сил за веру православную. Ничего не говорилось о том, что «первые бояре» с польскими оккупантами обрекли несокрушимого старца-патриарха на голодную смерть в темнице... А московские летописцы отметили, что патриарх Гермоген погиб голодной смертью уже 17 февраля 1612 года, всего через месяц с небольшим после написания грамоты «московских бояр» православному русскому народу. Погребли патриарха без подобающих его сану церемоний, тайно в Чудовом Кремлёвском монастыре.

Глава 3

Ещё до Нового 1612 года воевода Пожарский отличился и в принятии важных политических решений, и в стратегии, и в тактике ведения военных действий второго народного ополчения. Пожарский убедил Минина и всех своих сотников и десятников, что, выступив из Нижнего, идти прямым ходом к Москве на соединение с казаками Заруцкого и Трубецкого – это обресть войско на жалкую судьбу ополчения Ляпунова, повторить судьбу «начального человека» Прокопия Ляпунова, зарубленного на казацком круге из-за внутренних противоречий, предательств и интриг. Прежде чем объединяться с войсками Заруцкого и Трубецкого, ополчению Пожарского надо было проявить себя в принципиальном разъединении с казаками, почувствовать уверенность в своих силах, утвердиться в своей освободительной миссии главной движущей силы освобождения столицы от внешних врагов поляков и внутренних врагов-изменников.

В январе 1612 года Пожарский объявил своему войску, нацеленному на освобождение Москвы, что нижегородская рать сначала пойдёт на выручку его родного Суздаля, осаждённого польскими полками. А там, в случае скорого успеха, можно и утвердиться в скором походе на столицу. Пожарский недаром хотел сделать свой родной Суздаль первостепенным местом сбора русских воинских вооружённых ратей и новых народных ополчений (с оружием и без оружия) со всех концов Московского государства.

Именно на своей малой родине незаурядный политик Дмитрий Пожарский предполагал созыв Земского Собора, на котором были бы представлены все русские города и земли. И при сборе в том же Суздале выбранных представителей земель и городов русских можно было бы поставить вопрос об избрании царя – по примеру избрания на Соборе царём Годунова. Пожарский говорил своему соратнику Минину, другим сотникам и десятникам:

– Как будут все понизовые и верховные города в сходе, мы всею землёй выберем на Московское государство государя, кого нам Бог даст.

– Да, действительно русский царь должен быть избран Земским Собором из выборных представителей всех городов и земель, а не лихими пьяными казаками, выдвинувшими на престол множество самозванцев... – соглашался с Пожарским староста Минин.

– Только Заруцкий мечтает ворёнка Ивана Маринкиного на престол продвинуть... – хмыкнул сотник Фрол Сидоров. – Или самому на престол опекуном царевича запрыгнуть, договорившись с Маринкой, пока ворёнок Иван маленький и не вошёл в силу...

– Только тушинский боярин Трубецкой тоже не лыком шит, глядишь, спит и видит себя на престоле, – поддакнул Фролу другой сотник Иван Иванов. – Как бы тот же Трубецкой вместе с Заруцким нам не помешали войти в Суздаль. Казаки тоже хотят быть первыми освободителями Суздаля и Москвы, соперничество с нижегородцами им ни к чему, это и самому глупому понятно...

Как в воду глядел сотник. И Заруцкий, и Трубецкой поняли, каждый по-своему, что им и их своевольным полчищам грозит от новой земской воинской силы Пожарского и Минина. Ими на Суздаль были брошены отряды казаков под началом атаманов Ивана и Андрея Просовецких. Осаждающие Суздаль польские полки уклонились от боя с казаками и отошли от города. Лихие казаки пошли на опережение планов ополченцев, заняли, к неудовольствию Пожарского, его родной город, закрыв воеводе прямой путь на Москву.

Самое смешное, что Пожарскому не составляло никакого труда выбить лихих казаков из Суздаля, склонить атаманов Просовецких к сдаче. Только начинать свой освободительный поход на Москву с битвы своего второго ополчения с казацким первым ополчением, с пленением атаманов Просовецких совсем не хотелось умному стратегу и политику Пожарскому. Он же чувствовал, как его подставляют потенциальные союзники Трубецкой и Заруцкий. Вот и

пришлось Пожарскому на время отложить его блестящую идею сделать его родной Суздаль местом сбора ополчений и всех выборных представителей Земского Собора. Авань, другие места найдутся для этого.

Нечего делать, пришлось Пожарскому двинуть свою рать ополчения в обход Москвы по Волге с выходом на Ярославль. Узнав о стратегических намерениях своего сильного соперника Пожарского, Заруцкий и Трубецкой решили опередить его и сами захватить казацкими отрядами Ярославль. Захватом казаками Ярославля Пожарскому, с одной стороны, преграждался путь по Волге, с другой стороны, нижегородское ополчение отрезалось от сочувствующего нижегородцам Русского Севера, от усиления войска ополчения новыми хорошо вооружёнными союзниками.

Но Пожарский опередил казаков, выслав в Ярославль сильный мобильный отряд под началом сотника Лопаты-Пожарского. Большой отряд воровских казаков Просовецкого не рискнул вступить в бой с воинами сотника Лопаты-Пожарского и ретировался. Пожарский, получив донесение о бегстве казаков из Ярославля, распорядился двинуть в поход основные силы ополчения из Нижнего Новгорода. Это произошло 23 февраля 1612 года. И уже через день-другой в первом городе на пути ополчения, Балахне, жители хлебом-солью встречали ополченцев Пожарского, а местный воевода Матвей Плещеев со своим отрядом присоединился к ополчению. Так же ополченцев князя встречали в Городце, Кинешме, других городах.

Лишь в Костроме присягнувший королевичу Владиславу сторонник Сигизмунда и московского правительства семибоярщины воевода Иван Шереметев не открыл крепостные ворота Пожарскому, отказываясь впустить в город ополчение. Но жители Костромы ударили в набатный колокол, связали воеводу и вышли встречать Пожарского, ему даже пришлось спасать Шереметева, которого жители хотели публично казнить за предательство и неподчинение народному ополчению.

Зато в Ярославле после прибытия туда отряда Лопаты-Пожарского, отогнавшего от стен города казаков, наместник, боярин Андрей Куракин, и воевода первого ополчения Андрей Бутурлин сразу же перешли на сторону второго ополчения и присоединились к Дмитрию Пожарскому. Здесь у князя Дмитрия Михайловича вызрела мысль вместо Суздаля сделать Ярославль сборным местом русских войск и даже главным местом проведения Земского Собора.

– Здесь и на царство можно быть избранным в случае чего, князь, – сказал боярин Куракин в присутствии Минина и Пожарского.

Минин внимательно поглядел в глаза Пожарского с немим вопросом «почему бы и нет, князь, что скажешь?».

– Человек предполагает, а Господь располагает, – уклончиво ответил Пожарский, – не будем торопить события.

– Как не торопить? – встрял в разговор Бутурлин. – Надо торопиться с казаками объединяться и идти с ними на Москву. А освободив совместно Москву, надо быстрее царя выбирать...

Пожарский качнул головой и сказал твёрдо, как отрезал:

– Надо осмотреться именно из Ярославля, чтобы решить, как действовать дальше, – кивнул в сторону Минина. – Именно здесь надо собрать как можно больше ратной силы и казны для Минина. Это казаки казной не занимаются – и напрасно, – веря, что разбоем и грабежами всё получают сразу в один момент. А мы не разбойники, мы – народное ополчение. Чтобы Москву от поляков освободить да и с казаками не слиться в разбойных устремлениях, мало выполнить задачу военной победы над врагом... Надо придушить всякую душевную смуту в русских совестливых душах и мятежных вольнолюбивых сердцах, отбить охоту предательством и изменничеством скрашивать себе жизнь, присягами иноземным королям и королевичам, самозванцам без роду, без племени...

– Правильно рассуждаешь, Дмитрий Михайлович, – пылко откликнулся Минин. – Государственный, независимый и свободный ты человек, князь, раз верно о государстве и его многострадальных подданных печёшься. Только в горниле освобождения от внешних и внутренних врагов можно придушить криводушие, безверие, поголовное предательство в народе, во всех его слоях, установить единодушие, направленное на настоящее укрепление народной государственности...

Пожарский задумался, внимательно посмотрел на Куракина, Бутурлина и остановил свой взгляд на Минине.

– Вот ты, Минин, и поможешь мне составить особую «ярославскую» грамоту, из которой должно следовать, что целью народного ополчения является не только освобождение Москвы от поляков, но и укрепление русской сильной государственности, чтобы внести в неё могучую верховную власть и уважаемое народом правление, основанные на воле русского православного народа.

И была составлена первая знаковая «ярославская» грамота, подписанная Пожарским и Мининым, где говорилось о необходимости созыва выборных людей на общий народный совет:

«Вам бы пожаловать, помня Бога и свою православную христианскую веру, советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разоренье быть не безгосударным, чтобы нам, по совету всей земли, выбрать сообща государя, кого Бог милосердный даст, чтобы Московское государство вконец не разорилось бы. Сами, господа, ведаете, как нам стоять без государя против общих врагов, польских, литовских и немецких людей и русских воров... Как нам без государя о великих государственных и земских делах с окрестными государствами ссылаться?! И по всемирному совету пожаловаться бы вам – прислать к нам в Ярославль из всяких чинов людей человека по два и с ними совет свой отписать».

Глава 4

Шляхтич польского дворянского герба Одровонж Самуил Маскевич, служивший в 1609 года у коронного гетмана Жолкевского и находившийся в Кремле в 1610–1611 годах под началом воеводы Гонсевского, оставил в серии своих «Дневников» любопытные воспоминания о нравах русских простолюдинов и партизанах-«шишах» во время Смуты. Шляхтич Самуил видел своими глазами, описывал не без искусства такие дела и события, пронизанные токами истории и исчезающей правды, ничего не имеющие общего с вымыслом и приукрашиванием действительно имевших дел и событий.

Как поляк-шляхтич известного древнего дворянского рода, он мог обвинять русских – знать и простолюдинов – иногда без должного основания, только, по крайней мере, слепая злоба к русским и невыносимый шляхетский гонор, да избыточное героизированное самохвальство, свойственное многим польским писателям и хронистам Смутного времени, не руководили его мыслями и его пером. Не давая пощады русским, пан Самуил Маскевич не щадил в своих жанровых зарисовках и своих излишне жестоких и амбициозных соотечественников.

Приведём два фрагмента из «Дневника» Маскевича с нелюбимым описанием русских нравов с единственной целью показать высшую степень доверия к словам шляхтича, когда он будет говорить о жестокости своих соотечественников, казнивших русского простолюдина-героя...

Итак, о вере, иконах, молитвах русских. «Вообще относительно веры московская чернь погружена в грубое невежество. Когда король подступал к Смоленску, окрестные жители бежали в леса с домашним скотом и образами, на которые полагали всю надежду. Но как наши, отыскивая в лесах съестные припасы, настигли там русских и отняли у них скот, то они, разгневавшись на свои образа, повесили их для позора на деревья вверх ногами, приговаривая “мы вам молимся, а вы от Литвы нас не оборонили”. Ещё случай: у одного крестьянина вор ночью увёл вола из хлева; крестьянин сорвал образ со стены и выбросил его в окно прямо в навоз, сказав: “Я тебе молюсь, а ты меня от воров не охраняешь”. И ещё, в случае же убедительной просьбы русские молят не ради Бога или Христа Спасителя, но ради святителя Николы...».

О воле и неволе русских. «В беседах с москвитянами наши, выхваляя свою вольность, советовали им соединиться с народом польским и также приобрести свободу. Но русские отвечали: “Вам дорога ваша воля, нам – неволя. У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого; может отнять у него имение и самую жизнь. Искать же правосудия по вашим законам долго: дело затянется на несколько лет. А с иного и ничего не возьмёшь. У нас, напротив того, самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе царь творит суд и расправу. Если же сам государь поступит неправосудно, его власть: как Бог, он карает и милует. Нам легче перенести обиду на царя, чем на своего брата, ибо он владыка всего света”. Русские действительно уверены, что нет в мире монарха, равного царю их, которого посему называют: Солнце праведное, светило Русское».

В своих мемуарах активный участник литовско-польской интервенции шляхтич Маскевич поведал о событиях февраля 1612 года, когда в Русской Земле по грамотам из Нижнего Новгорода впервые узнали о формировании второго народного ополчения Минина и Пожарского для освободительного похода на Москву против интервентов. В составе вооружённого до зубов польского отряда, насчитывавшего свыше 300 человек, Маскевич продвигался к оккупированной поляками Москве. В обозе этого польского отряда были значительные запасы фуража и продовольствия, а также русские люди (из повествования мемуариста неясно, были ли это пленные русские или пошедшие в столицу с поляками добровольно).

Неподалёку от Николина града Можайска на отряд Маскевича с обозом из засады нежданно-негаданно для поляков с невероятным устрашающим свистом и криком напали удалыцы-молодцы из крестьян-партизан, или «можайские шиши», как называли партизан польские захватчики. Шиши, при явном численном меньшинстве, воспользовавшись внезапностью своего нападения, смелостью лесного предприятия, моментально рассеяли польский отряд, обратили его в бегство, практически разгромили поляков. На сторону «можайских шишей» моментально перешли русские обозники и все обозы поляков с фуражом и продовольствием.

По рассказу Маскевича, шиши забаррикадировали снежный санный путь повозками и оперативно лишили поляков возможности двигаться по узкому проторенному пути среди глубочайших лесных сугробов. В конце концов потрёпанный атакой шишей отряд Маскевича разделился на две части, меньший отряд вынужденно повернул назад, а большая часть отряда пошла вперёд в сторону Можайска. В окрестностях Можайска поляки решили взять с собой местного проводника, чтобы, не дай бог, не попасть ненароком на дорогу в Волоколамск, где, по данным польской разведки, стояло сильное, свежее войско гарнизона русских воевод Карамышева и Чемесова.

Во время разыгравшейся, как назло, метели польским воинам ничего не оставалось делать, как взять себе в проводники местного жителя-старика, чтобы показать им неизвестную дорогу на Москву и не завести их в лапы русских волоколамских воевод. В глазах старика-проводника читалось презрение к иноземным воинам, когда он без страха повёл их в метель якобы московской дорогой. Ночью же, когда в страшной метели ничего нельзя было разглядеть вокруг на расстоянии вытянутой руки, старик-проводник повернул польский отряд в сторону Волоколамска. В конце концов, как написал Маскевич, этот благообразный невозмутимый старик оказался почище «можайских шишей», потрепавших польский отряд в окрестностях города.

Когда спала метелица, польский отряд оказался всего на расстоянии одной мили (около семи вёрст или 7,5 километра) от крепости Волоколамска и наверняка попал бы в позорный плен к русским воеводам. Об этом Маскевичу и его спутникам рассказал случайно повстречавшийся польский пан Руцкой со значительной охраной. Польский отряд после подсказки Руцкого спешно повернул назад от Волока. Отважному старику-проводнику, глядевшему на поляков презрительно и свысока, паны тут же отрубили голову.

Описанный Маскевичем подвиг русского крестьянина поразил многих выдавших разные виды и опасные злоключения поляков: «Мы же не сделали ничего плохого этому старику – почему же он нас хотел погубить?» Раньше Маскевич снисходительно описывал, как в том же Можайске местные воеводы-коллаборанты (как потом выяснилось, Тимоха Микулин и Семён Блинов) и «ласковые попы» торжественно встречали поляков по своему обыкновению хлебом и солью, с образами и при большом стечении народа. И было всё это всего два-три года тому назад, когда Можайск «целовал крест» королевичу Владиславу. Теперь же иноземным оккупантам в преддверии второго народного ополчения Минина и Пожарского надо было считаться с очагами русского народного сопротивления непокорённых местных жителей и расширяющегося партизанского движения с лихими «можайскими шишами».

Благодаря таким «можайскими шишами» и безвестному «можайскому Сусанину» стремительно сокращалось время Русской Смуты в умах и сердцах русского народа, робко, но неуклонно намечался излёт Смуты. Второе народное ополчение Минина и Пожарского было обречено на успех в освобождении столицы Московского государства от его внешних врагов и внутренних предателей-коллаборантов не только вследствие организации военного народного ополчения и выхода его из Нижнего Новгорода на Москву, пусть окольными путями, через Суздаль, Кинешму, Кострому и Ярославль, но и борьбой шишей. В то время как русская ратная сила ежедневно, чуть ли не ежечасно росла в Ярославле, народ уже одновременно вёл ожесточённую борьбу с оккупантами, показывая отчаянное сопротивление иноземным порядкам и вооружённым до зубов наглым иноземцам с «их вольными порядками».

Именно тогда земские ратники и казаки, недовольные управлением казацких атаманов, толпами уходили от Заруцкого, с его бредовыми идеями посадить на престол сына Марины Ивана-ворёнка, и в меньшем количестве от Трубецкого. Недовольные и поляками, и атаманами вооружённые люди составляли отдельные отряды, скрывались в разорённых деревнях, в лесах и оврагах, нападали на поляков, рыскавших поблизости Москвы и даже в отдалении от столицы в поисках продовольствия и фуража, часто нападали и на приспешников поляков. Таких народных борцов и благородных разбойников русские и поляки в насмешку называли «шишами», только скоро прозвище «шиш» стало даже почётным в глазах народа, поскольку партизаны-шиши действовали честно и принципиально: своих русских не трогали, не грабили, нападали только на поляков и приспешников поляков, показывая примеры молодецкой удалости, смекалки и ловкости.

В партизанские отряды шишей с радостью шли люди разного происхождения, от простолюдинов-крестьян и посадских людей до дворян и детей боярских. Зимой 1612 года полякам не стало житья от «разбойных» действий партизан-шишей; особенно сильно вредили шиши оккупантам, отбирая у них продовольствие и фураж, мешая им собирать большие продовольственные запасы и фураж по деревням и сёлам в окрестностях Москвы.

Тот же шляхтич Маскевич в своём «Дневнике» писал с какой-то затаённой горечью, мол, не понимают нас русские шиши:

«Бумаги не стало бы, если бы начать описывать бедствия, какие мы тогда претерпели. Нельзя было разводить огня, нельзя было ни на минуту остановиться – тотчас, откуда ни возьмись, – шиши. Как только роща, так они и осыпят нас... Шиши отнимали запасы и быстро исчезали...»

И выходило совсем мрачно и ужасно для поляков: награвивши много в московских окрестностях, в столицу они привозили очень мало продовольствия и фуража. Знать, и на вольных поляков нашлись ещё более вольные русские шиши, иногда в лихие мгновенья Смуты не следующие своим убеждениям душевной неволи как жизненной необходимости...

Поляки и предатели-коллаборанты в Кремле уже пострадали от голода во время осады Кремля и Китай-города первым народным ополчением Прокопия Ляпунова... Что же будет с ними во время осады Кремля вторым народным ополчением Минина и Пожарского и казаками...

Глава 5

В начале апреля 1612 года главные силы второго народного ополчения под колокольный звон всех колоколов города вступили в Ярославль.

И в Ярославле ополчение с ведома Пожарского простояло четыре месяца с гаком. Для этого были основания политического характера и причины личного характера взаимоотношений лидера второго ополчения Пожарского, из Стародубских Рюриковичей, и вождя первого ополчения князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, ведущего свой род от внука литовского князя Гедимины.

Осторожный военачальник Пожарский правильно рассудил, что пока некуда и не к кому спешить ему со своим ополчением, тем более атаман Заруцкий был его явным открытым врагом в своих устремлениях посадить на московский престол Марину с её сыном Иваном-ворёнком. Князь Трубецкой не был явным врагом Пожарского, скорее его скрытым, достаточно опасным недоброжелателем с явными собственными устремлением занять московский престол (для этого у Трубецкого, как ни странно, были основания и даже большие потенциальные возможности).

Вся надежда Пожарского была на то, что, уклоняясь от прямых боевых столкновений с казаками Заруцкого и, боже упаси, даже от лёгких стычек с казаками Трубецкого, в ходе многомесячного «ярославского сидения» он с другими воеводами укрепит своё войско, обучит и усилит его количественно и хорошим вооружением. И долговременный план Пожарского уже с конца апреля стал давать свои значительные плоды, когда он без всякого боя с казаками Заруцкого легко отбил свой родной Суздаль. Туда князь Дмитрий послал сильный отряд своего родича Романа Пожарского, и атаману Просовецкому пришлось из Суздаля уносить ноги, как только до него дошли народные слухи о движении сильной ярославской рати.

Также, не вступая в открытые столкновения с казаками Заруцкого и Трубецкого из первого ополчения, Дмитрию Пожарскому удалось выдавить казаков из многих других городов. В мае его воевода Иван Наумов подошёл к Переславлю-Залесскому; завидев сильное ярославское войско второго ополчения, казаки без боя и каких-либо признаков сопротивления оставили город. В конце мая воевода Пожарского князь Дмитрий Черкасский легко, без излишнего насилия выбил казаков из Углича. Четыре казацких атамана перешли на сторону ополчения. К некоторым казакам в Угличе пришлось применять силу для их сдачи, только после их пленения каждому казаку был предоставлен выбор: либо идти во второе ополчение, либо идти на все четыре стороны.

Скоро при очистке пути на Русский Север отрядом воеводы Лопаты-Пожарского из сильного укрепления Пошехонья и близлежащих поселений были выбиты казаки и их «воровские» сторонники. Кашин, Торжок и Владимир также подчинились «Совету всей земли», созданному в Ярославле Мининым и Пожарским и их соратниками.

Минин и Пожарский правильно понимали, что главной задачей второго ополчения было освобождение Москвы от оккупантов, но признавали важность создания законной прочной власти «на месте» в Ярославле, которая могла бы объединить Русское государство и покончить с затянувшейся Смутой. Также лидеры народного ополчения догадывались, что в текущей обстановке властного хаоса и политической смуты со многими центрами силы созыв Земского Собора – дело не быстрое, не дней и недель, а многих и многих месяцев. Поэтому в Ярославле, в преддверии Земского Собора, было создано для оперативной работы Земское правительство, управляющее уже большей частью Земли Русской.

В Ярославле по образцу московского правительства были созданы приказы – Поместный, Монастырский и другие. С подачи активного и вездесущего Минина в Ярославле быстро и своевременно был устроен Денежный двор, где тут же началась чеканка монет разного досто-

инства. Как и положено, Земскому правительству вменялось вступать в сношения и полезные переговоры с иностранными державами. Значительную, если не главенствующую организационную роль, играл староста Кузьма Минин, получивший от правительства внушительный и своеобразный титул: «Выборный всей землёй человек».

Кроме сильной оперативной светской власти, в Ярославле существовала и сильная духовная власть. Об этом позаботился прежде всего князь Пожарский. Прав или не прав он окажется в выборе своего союзника, духовного лидера, рассудит время, деятельность Духовного совета, важный созыв Земского Собора и выборы царя на Соборе в 1613 году...

Итак, в Ярославле был создан Духовный совет, во главе которого Земским правительством был поставлен бывший Ростовский митрополит Кирилл. Тот самый Кирилл-митрополит, которого вынудил шесть лет тому назад уйти в отставку Лжедмитрий Первый, проводя на духовный престол своего благодетеля Филарета Романова, которому был безмерно обязан за освобождение московского престола от Бориса Годунова и его сына Фёдора Годунова. С момента своего смещения с митрополичьего стола самозванцем в 1606 году Кирилл служил и проживал в Троице-Сергиевой лавре в качестве простого монаха, а потом архимандрита.

Выбор Кирилла Пожарским в качестве председателя Духовного совета был далеко не случаен. Надеялся на бывшего митрополита полководец Пожарский в ближайшей или отдалённой перспективе. За восстановлением сана митрополита мог бы последовать и сан патриарха для деятельного, ещё совсем не старого отца Кирилла. Ибо патриарший престол в Москве опустел в связи с гибелью из-за голодной смерти в заточении патриарха Гермогена совсем недавно, в феврале 1612 года. К тому же Филарета Романова, находившегося в «почётном плену» у короля Сигизмунда, практически никто в Ярославле ни митрополитом, ни патриархом не считал.

В табели духовных рангов бывший митрополит Кирилл занимал третье место после Новгородского митрополита Исидора и Казанского митрополита Ефима. Только Исидор находился тогда в шведском плену, а митрополит Ефим не мог покинуть Казань из-за слабости здоровья и необходимости его присутствия на казанской земле во время общих и локальных смут в городе. Таким образом, в Ярославле в лице Кирилла была организована и своя духовная церковная власть, и к тому же был под рукой твёрдый, почти неоспоримый кандидат в будущие патриархи государства Московского.

Когда Пожарский и Минин решили посоветоваться с председателем Духовного совета Кириллом о выборе нового «государственного» герба второго ополчения, тот без обиняков, желая потрафить князю Пожарскому, предложил:

– Советую взять за основу герба народного ополчения герб рода Пожарских, где изображены два сильных рычащих льва...

Пожарский задумчиво покачал головой и пожевал губами, словно находил нужные слова при вопросительном обращении к владыке:

– Ты так считаешь, владыка Кирилл?.. Не считаешь, что будет не столь скромным возвеличить род Пожарских...

– Все знают твою личную скромность, Дмитрий Михайлович, – вклинился в разговор Минин, – не сомневайся сам и не думай о сомнениях воинов нашего ополчения...

Пожарский решительным жестом прервал «выборного всей землёй человека» и обратился к Кириллу:

– Говори, владыка, то, что считаешь нужным сказать...

Кирилл тяжело вздохнул и тихо прошелестел одними губами:

– Нечего мне возвеличивать родословную князя Дмитрия Михайловича Пожарского, идущую по мужской линии от великого князя Всеволода Большое Гнездо... С тех пор как великий князь Ярослав Всеволодович дал своему брату и твоему прапрадеду Ивану Всеволодовичу город Стародуб на Клязьме и удельное Стародубское удельное княжество... Так что,

князь, я ничего не имею против, чтобы на гербе и печати ополчения были изображены львы, так или иначе напоминающие людям о гербе рода князей Пожарских...

– Благодарю тебя, владыка, – тихо, удовлетворённо сказал Пожарский, – ты рассеял некоторые мои сомнения. – Ведь в наше ярославское правительство некоторые приказные доброхоты внесли на утверждение эскизы нашего государственного герба, а также печати народного ополчения... Представляешь, владыка, так на гербе изображён лев, а на большой дворцовой печати изображены два льва, стоящих на задних лапах... Понимаешь, владыка, мне это отчасти льстит, но отчасти смущает из-за нескромности полководца народного ополчения, якобы пекущегося о своей чести, родовой славе...

– А ты отбрось, князь, свои сомнения в сторону, больше думай о своём великом деле освобождения Москвы, а не о суете приказных доброхотов с гербами и титулом твоим новым, – возвысил голос Кирилл. – Больше думай о том, как поляков и казаков переиграть без больших жертв ополчения, обходясь малыми жертвами или без жертв вовсе...

– Ты и о моём новом титуле тоже слышал? – удивился Пожарский. – Ведь ещё правительство не утвердило...

– Ярославская земля быстро слухами полнится, – неопределённо заметил Кирилл. – Лично я ничего не имею против, чтобы полководец нашего народного ополчения именовался «Воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарково-Стародубский»...

– Вот и я так считаю, владыка, прекрасный титул для полководца народного ополчения, идущего освобождать Москву ради процветания нового государства Русского – без смут, предательств и несправедливости...

Прощаясь с Пожарским, владыка Кирилл пристально посмотрел на князя, прямо глаза в глаза, и доверительным тихим голосом сказал так, чтобы его не услышал Минин:

– Знай, князь, что не только тебе с казаками не просто. С нашим духовенством тоже не всё так просто, не все иерархи хотят видеть меня на патриаршем престоле. Не любят у нас бывших митрополитов, согнанных с престола государями московскими и восстановленных «царями тушинскими». Это я о себе грешном и недостойном, которого ты видишь... – Кирилл хотел сказать «на патриаршем престоле», но почему-то пресёк опасные лишние суетные речи. – Запомни, князь, я тебе всегда союзник в твоей воинской и духовной борьбе... Но только прими и мою подсказку, которая тебе может пригодиться... Не успокоится никогда и нигде, даже в гостях у короля Сигизмунда, Филарет Никитич Романов, думая только об одном, как посадить на царский трон своего сына-стольника Михаила, а попутно и самому на патриарший трон запрыгнуть легко и мимоходом...

– Так ведь Филарет сейчас далеко, в Польше, а стольник Михаил заперт в Кремле... Неужели Филарет из-за границы может влиять на московских бояр через брата Ивана Кашу... и даже на казаков Трубецкого... и даже на духовенство – через какие-то тайные сношения...

– Есть такие тайные сношения Филарета и с нашим духовенством, и с казаками, и московской знатью... Поверь на слово старику, я знаю, что говорю, ибо давно живу на белом свете и многое знаю о светских и церковных интригах... Хитёр и опытен Филарет, я же с ним премного общался, когда он входил в дела моей ярославской митрополии... Заискивал передо мной, дружбы искал моей, расположения моего, вот тогда я и узнал в мои трагические опасные моменты жизни, когда меня сана лишал первый самозванец, а не очень-то понимающего в делах церковных Филарета возводил на митрополичий стол Ростовский и Ярославский... Филарет же первого самозванца и породил через своих польских адептов и заговор в Чудовом монастыре высокопоставленного духовенства во главе с архимандритом Пафнутием... Так что я тебя, князь, предупредил, что войны идут не только на полях сражений войск, но и на духовном поле, с интригами и подставами духовенства... Многожды подумай о том, стоит ли меня, грешного и ничтожного монаха Кирилла, двигать на патриарший престол... Так ведь себе зубы обломаешь, думая о своём царстве в союзе с митрополитом и патриархом Кириллом...

Глава 6

Деятельность Ярославского правительства, утвердившего новый государственный герб со львом и государственную печать с «пожарскими» двумя львами, стоящими на задних лапах, уже к началу лета 1612 года приносила обильные полезные плоды. Даже отдалённые русские земли Сибири и Поморья высылали свои значительные денежные средства, своих вооружённых и невооружённых представителей в Ярославль. Казалось, ещё немного времени, ещё чуть-чуть усилий, и можно без лишних человеческих жертв народного ополчения, даже без московского похода на поляков, с помощью переметнувшихся в Ярославль казаков оформить победу ополчения Пожарского и Минина. И провести Земский Собор в Ярославле, и избрать на нём славного воеводу-князя Пожарского царём, а митрополита Кирилла (Завидова) – патриархом Земли Русской.

Однако судьба князя Пожарского и митрополита Кирилла (Завидова) и русской истории Смуты распорядилась совсем иначе: не быть «воеводе и князю Дмитрию Михайловичу Пожарково-Стародубскому» вторым после Годунова избранным царём на Земском Соборе, а владыке Кириллу не взойти на патриарший престол избранным патриархом Московским...

Четыре месяца пробыл Пожарский в Ярославле в своих тяжёлых думах и сомнениях насчёт казаков, в первую очередь войска князя Дмитрия Трубецкого, а потом уже войска атамана Заруцкого. О размышлениях и сомнениях князя насчёт своего союзника-соперника Трубецкого чуть позже.

Много было посланий Пожарскому в Ярославль за эти четыре месяца из Троице-Сергиевого монастыря: торопили оттуда архимандрит и монахи князя-воеводу, даже укоряли и, чего там говорить, распекали его за медлительность и излишнюю осторожность. Словно догадывались мудрые всезнающие монахи о тяжких размышлениях и сомнениях человека со знаковым титулом «воеводы и князя Дмитрия Михайловича Пожарково-Стародубского». Вряд ли кто в то время на Русской Земле догадывался о мотивах излишне долгого выжидания Пожарского, так понимающего воинственную непокорную душу русского воина, вряд ли кто полностью был на стороне полководца, ведь были скрыты и не оглашались мотивы выжидания войск второго ополчения в Ярославле. А Пожарский выжидал до поры до времени, чтобы собрать побольше рати и средств на московский поход, чтобы утихли вечные «русские распри и споры между начальными людьми о старшинстве». Ведь для того чтобы утихомирить своих военачальников и даже десятников войска, Пожарскому приходилось прибегать к помощи духовных лиц и даже ставшего ему очень близким по духу владыки Кирилла, митрополита Ростовского и Ярославского (с незримым, потенциально возможным жезлом в руках будущего патриарха Московского).

Только все планы Пожарского и владыки Кирилла рухнули в июле 1612 года, когда они узнали, что на Москву, прорываясь к Кремлю, движется сильное польское войско гетмана Ходкевича. Выступать раньше времени на поляков, идти в Москву, чтобы делить плоды победы второго ополчения вместе с казаками Заруцкого и Трубецкого первого ополчения, – это означало погубить план спасения Московского государства, признав значимость, законность, вклад в русскую победу над польскими врагами одних казаков-разбойников.

Пожарскому было ясно, что воровские казаки-разбойники Заруцкого и Трубецкого как сейчас, так и дальше, потом, будут источниками смут и потрясений счастливо-спокойного, долгого и деятельного существования Московского государства. Только при полном понимании этой ситуации, войску второго ополчения под началом Пожарского и при духовном кормлении владыки Кирилла нельзя было дальше «ждать у бурного моря истории хорошей погоды». Излишнее ожидание могло ассоциироваться с трусостью, равнодушием к человеческой жизни, а то и с бездушием, что могло раз и навсегда скомпрометировать вождей народного ополчения.

Узнав о походе гетмана Ходкевича на Москву, на подмогу полякам и коллаборантам в Кремле, многие казачьи атаманы из первого ополчения подмосковных лагерей войск Заруцкого и Трубецкого стали писать слёзные послания в Ярославль главному воеводе Пожарскому с просьбой о помощи и спасении православных христиан. С аналогичной просьбой на имя владыки Кирилла и воеводы Пожарского обратились монахи Троицкой обители. В Ярославль оттуда срочно выехал знаменитый келарь Авраамий Палицын, который долго и слёзно уговаривал Пожарского, Минина и владыку Кирилла, находящегося в душевной близости с князем, выступить на польского гетмана.

Из всех зол в своих тяжёлых размышлениях и сомнениях надо было выбирать наименьшее зло, и «воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарково-Стародубский» приказал второму ополчению готовиться к военному походу на Москву... Почему же Пожарский больше боялся даже символических отношений с князем Трубецким, чем с атаманом Заруцким? Почему больше всего тревожных мыслей и сомнений в правильности своих действий с Трубецким было у славного полководца?

А вот почему: во втором ополчении Пожарского практически не было соединений казаков, конечно, были казаки-одиночки, и то без рода и племени, с древними позабытыми родовыми корнями. Только на своём веку воину Пожарскому удалось повидать и познать удаль и сноровку казаков, их лихость и смелость в бою. И при этом у того же Пожарского, к счастью или несчастью его, не было в жизни никаких попыток обратиться напрямую к казакам Дона и Урала, призвать их в своё ополчение, бывшее в основном, если не целиком, земским дворянским.

Только во время долгих бесед в Ярославле с владыкой Кириллом тот рассказал Пожарскому удивительные сведения, которые когда-то сам почерпнул в бытность его монахом и архимандритом в Троицкой обители, когда волей первого самозванца Филарет Романов сместил его с Ростовского стола. Так вот главной заслугой Трубецкого, позволившей тому в Тушино получить чин боярина и возглавить «воровскую боярскую думу», стало то, что впервые он обратился с призывом к казакам Дона и Яика на Урале. Много или не очень много пришло казаков к Трубецкому до Тушино и в Тушино, это неизвестно, но сам призыв к казакам Трубецкого сильно понравился «тушинскому вору, царiku», и бешеная карьера первого тушинского боярина состоялась там, он стал главным любимцем «царика».

Только в Троице владыка Кирилл слышал и об опасности призыва князя Трубецкого из Тушино к донским и уральским казакам для первого ополчения, где Трубецкой стал одним из трёх равноправных вождей вместе с Ляпуновым и Заруцким. И тогда на призыв Трубецкого из донских и уральских степей в Москву пришли уже не десятки и сотни, как раньше, до Тушино, а тысячи хорошо вооружённых и обученных казацких воинов, это стало движущей силой первого ополчения. Потому, что у Заруцкого поначалу было больше казаков-разбойников, но по воинскому мастерству, выучке они значительно уступали призванному контингенту Трубецкого.

А лично от владыки Кирилла Пожарский узнал, что при Лжедмитрии Первом князь Дмитрий Трубецкой с усердием исполнял обязанности банщика или «мовника» на церемонии «хождения в мыльню» государя-самозванца «Дмитрия Ивановича» после его пышного бракосочетания с царицей Мариной Мнишек. А потом, после убийства самозванца во время восстания Шуйского, князь Трубецкой, не получив продвижения в бояре от «полуцаря», покинул Шуйского и «перелетел» в лагерь «тушинского вора», где за первый призыв-созыв казаков к «царiku» получил от него и титул первого боярина и главы тушинской боярской думы.

Иногда чернел лицом Пожарский, вспоминая, что не сделал он карьеры при первом и втором самозванцах, оставаясь долго в стольниках и в подчинении в воинских походах у юного

полководца Скопина-Шуйского, получившего от Лжедмитрия Первого титул «Великого Мечника»...

Отдав уже приказ ополчению о подготовке похода на гетмана Ходкевича, признался Пожарский в их последней беседе в Ярославле владыке Кириллу в своей излишней скромности, говоря как на духу митрополиту с явной самоиронией:

– Вот был у нас в Москве такой мощный столп, как князь Василий Васильевич Голицын, – все бы его держались, а я к такому великому делу не придался ему... Меня ныне к этому делу приневолители бояре и вся земля...

Пожарский хотел продолжить свой рассказ в том ключе, мол, он не из тех людей, как князь Василий Голицын, везунчик по жизни и судьбе, был что при первом самозванце, что при царе Шуйском, убившем самозванца. Хотел дополнить про Трубецкого, мол, он тоже оказался везунчиком по жизни и судьбе что при первом самозванце, что при втором.

А владыка Кирилл строго поглядел на Пожарского и сурово, глядя тому прямо в глаза, отчеканил:

– Князь Василий Голицын возглавил посольство от московских бояр к королю Сигизмунду, чтобы просить короля отпустить его сына королевича Владислава быть царём на московском престоле. Нечего ставить пример везучести Голицына в политической карьере, мол, он, убив семейство Годуновых, получил расположение Лжедмитрия Первого... Потом убив первого самозванца, получил расположение Лжедмитрия Второго... Жизнь удалась... Ан нет, князь Дмитрий Михайлович, Голицын встал на скользкий путь измены православию, поддержав решение боярского правительства, уже после свержения «полуцаря» Шуйского, призвав на московский престол королевича-латиниста Владислава, поправшего православие своим нежеланием креститься по греческому обряду...

– Да, владыка, утёр ты мне нос своим развенчанием моего недавнего кумира, сильного военачальника, князя и боярина Василия Васильевича Голицына, – зябко пожав плечами, сказал грустным голосом Пожарский. И мрачно подумал: «Нет, пожалуй, не буду я делиться своими мыслями и сомнениями о наших сложных жизненных взаимоотношениях с князем Трубецким, женатым на дочери князя Бориса Петровича Татёва, Марии Борисовне...»

Они тепло расстались с владыкой, а Пожарский предался мучившим его воспоминаниям про любителя казаков Трубецкого, его тестя Татёва и князя Василия Голицына, а также о челобитной царю Шуйскому князя Бориса Михайловича Лыкова-Оболенского на него, стольника Пожарского:

«Прежде, при царе Борисе Годунове, он, князь Дмитрий Пожарский, доводил ему, царю Борису, многие затейные доводы, будто бы я, сходясь с братьями Голицыными да с князем Татёвым, против него, царя Бориса, рассуждаю и умышляю всякое зло...»

Пожарский вспомнил о той печальной челобитной, поклёпе на него, стольника, о возвращении находившегося в опале при Годунове тестя Трубецкого Бориса Петровича Татёва, возведении Татёва, предавшего Годунова, в бояре при Лжедмитрии Первом. При свержении и убийстве Лжедмитрия Первого Татёв поддержал нового царя Шуйского – всё точь-в-точь, как и в судьбе Василия Голицына. «Все они – Татёв, Голицын, да и Трубецкой с Лыковым – на стороне фортуны победителей в схватке за престол, близость к престолу, – мрачно подумал Пожарский и смачно сплюнул себе под ноги. – А мне надо быть добрым и великодушным к любителю казаков Трубецкому, выступая походом на гетмана и соглашаясь вольно или невольно на слияние войск первого и второго ополчения. Только прежде чем сливаться, надо всё хорошо продумать и быть сильным и умудрённым в необходимом пока по политическим и военным соображениям разъединении войск первого и второго ополчения».

Глава 7

Об атамане Иване Заруцком Пожарский был хорошо наслышан и знал, как вести себя с ним, человеком с недюжинными способностями, огромной физической силой и ещё более громадными амбициями «мужа» царицы Марины и воспитателя Ивана-царевича, «ворёнка». Когда-то Пожарский неоднократно сталкивался с Заруцким в Москве, находясь при дворе Лжедмитрия Первого, присягнув тому. Красивый лицом, рослый, статный, видный атаман Иван рано примкнул к движению «воскресшего царевича Дмитрия Ивановича» и, прибыв с ним в Москву, всё время старался обратить на себя внимание «царевича», выдвинуться при нём, но непрестанно «задвигался в задние ряды» сторонников первого самозванца. Это отчасти сближало Заруцкого и Пожарского, который, получив в 20 лет первый придворный чин «стряпчего с платьем» в начале царствования Годунова, а потом чин «стольника» перед самой гибелью Годунова, не продвинулся при дворе Лжедмитрия Первого и Шуйского.

Только не слишком амбициозный Пожарский не рвался делать карьеру при дворе и в Боярской думе, а амбициозный Заруцкий, считая себя «задвинутым» и «невостребованным» в Москве Лжедмитрия I, вернулся на Дон в поисках своего атаманского счастья под «казацкой звездой». Сначала Заруцкий примкнул к войску Болотникова, а потом, после слухов о пропаже и новом появлении «царя Дмитрия Ивановича», отправился со своим отрядом казацких головорезов отыскивать в Северной земле пропавшего «царя Дмитрия Ивановича». Со времени, когда Заруцкий в Стародубе и Путивле «нашёл царя» и добровольно поступил к нему на службу, началось быстрое возвышение атамана Ивана. Одно время Заруцкому и Лисовскому в войске Лжедмитрия II были подчинены все казацкие войска.

Потом, после гибели Лжедмитрия II, пользуясь физической близостью с вдовой «царя Дмитрия Ивановича», царицей Мариной, Заруцкий задумал сделать московским царём Ивана-ворёнка, в случае удачи он надолго бы обеспечил себе положение официального правителя государства Московского. С этой целью Заруцкий стал одним из трёх вождей первого ополчения против поляков, а уже после убийства на казацком круге «начального человека» Ляпунова «боярин» Иван Заруцкий рассылал вместе с Трубецким грамоты по городам и селениям, призывая новые народные рати на очищение Москвы от польских оккупантов.

Разумеется, идею будущего правителя государства Заруцкого с «царём Иваном-ворёнком» не поддержали лидеры второго ополчения Пожарский и Минин. Тогда Заруцкий отправил в Ярославль Пожарскому письменную просьбу о военной помощи второго ополчения ему, лицемерно выражая раскаяние, что из тактических соображений присягнул 2 марта 1612 псковскому Лжедмитрию Третьему «ради изгнания поляков из столицы». Но Пожарский не поверил этому «искреннему раскаянию» Заруцкого и даже не ответил «боярину», твёрдо зная, как он будет вести тонкую тактическую игру с ним вплоть до его вынуждаемого бегства с остатками казацкого войска из Москвы в Коломну к «царице» Марине...

Пожарский неприязненно думал о Заруцком, особенно после покаянного послания, где тот каялся в присяге третий раз отпетому самозванцу, теперь псковскому Лжедмитрию Третьему. «А как будто я сам не присягал многожды, – осаживал себя князь Дмитрий, – в том числе и первому самозванцу, и после него и Шуйскому, свергнутому боярским правительством семибоярщины... Но ведь первому самозванцу, а потом королевичу, и “полуцарю” вся Москва и боярская дума присягнула... Вот и стали сдуру присягать и Лжедмитрию Второму, и даже Лжедмитрию Третьему...»

Что мог сказать в своё оправдание Пожарский, как человек твёрдый духом, непримиримый к врагам и изменникам Отечества, отличавшийся чувством собственного достоинства, что мешало ему при всех правителях после Годунова, давшего ему чин «стряпчего» и «стольника», продвинуться дальше, сделать «придворную карьеру»? Да, присягнул он Шуйскому после его

заговора против самозванца, только чувство долга и чести не позволило Пожарскому изменить «полуцарю», когда в конце 1609 года рязанский воевода уговаривал его, буквально умолял провозгласить царём юного боярина Скопина-Шуйского, под началом которого много лет был в московском войске старший по возрасту воевода Дмитрий Михайлович. Остался верен присяге «полуцарю» Шуйскому, не поддался уговорам, хотя сердцем чувал, что талантливый, может, даже гениальный полководец Скопин-Шуйский был бы более полезен государству, чем бездарные братья Василий и Дмитрий Шуйские, погубившие Скопина-Шуйского. Тот же Прокопий Ляпунов предлагал Пожарскому отомстить «полуцарю» Шуйскому за смерть его племянника, но снова осторожный, с чувством собственного достоинства, он резко отказал Прокопию, оставаясь верным присяге и чести своего старинного рода князей Стародубских. Не из суетливых, а из совестливых воевод-князей был по жизни Дмитрий Михайлович.

Пожарский вспомнил ещё один случай из его воеводской жизни в Зарайске: жители города пытались склонить его к присяге Лжедмитрию Второму по примеру жителей соседних городов Коломны и Каширы. Твёрдость Пожарского и его слова, мол, он, в отличие от многих, знает пока одного царя Московского по имени Василий Иванович, повлияли на сознание горожан, они остались верны Шуйскому. Узнав об убеждённости и верности присяге зарайского воеводы, тут же Коломна обратилась к царю Шуйскому и отшатнулась от «царика и вора тушинского».

Очень переживал Пожарский, что во время междуцарствия московское правительство семибоярщины не только целовало крест королевичу Владиславу, но и тайно от своих верных присяге воевод впустило в Кремль польский гарнизон. К рязанскому полку Ляпунова прикнул со своим отрядом зарайский воевода Пожарский, заметно усилив первое ополчение, и сразу же предложил при встрече с Прокопием:

– Вот сейчас бы во главе всего ополчения поставить гениального полководца Скопина-Шуйского – вместо вашей не святой троицы с Трубецким и Заруцким.

Ляпунов легонько поддел тогда князя Дмитрия:

– Так бери всё командование в свои руки, Дмитрий Михайлович...

– Я просто хороший воин-воевода, но не гениальный полководец, как князь Михаил Скопин-Шуйский, это во-первых. А во-вторых, против моей кандидатуры главного воеводы первого ополчения выступят и Заруцкий, и Трубецкой...

– Это так, Заруцкий с Трубецким не позволят над собой начальства, хоть и согласились с моим титулом «начального человека ополчения», – грустно согласился Ляпунов. – Ничего не остаётся тебе делать, князь, как быть простым воеводой под моим началом, не подчиняясь Трубецкому и Заруцкому, – согласен?

– Пусть будет так, раз это надо Богу и народу православному, – ответил Пожарский. – Никогда не думал, что буду воевать в Москве против поляков с такими союзниками, как атаманы казаков-разбойников Заруцкий и Трубецкой...

И вот теперь, узнав о подходе к Москве гетмана Ходкевича, Заруцкий в своей слёзной грамоте писал о необходимости помощи его войску из первого ополчения от главного воеводы второго ополчения Пожарского, которого атаман-боярин люто ненавидел. Пожарский догадывался о лютой ненависти к себе Заруцкого, но, кроме этого, хорошо знал о его человеческих слабостях, замешанных на зависти, гордыни, амбициях, желании выдвинуться даже на костях близких, продвижении к своим низменным целям даже по трупам собратьев-казаков.

Но ещё до последнего слёзного письма в Ярославль атамана Пожарский распорядился высылать своих доверенных людей в Москву, ближе к стану атамана, и в Коломну, близ резиденции «царицы» Марины и распространять народные слухи и сказы о собирании несметного по количеству воинов земского войска в Ярославле. О сказочном, немыслимо сильном вооружении многотысячного войска Пожарского и о баснословной казне ополчения в руках старо-

сты Кузьмы Минина. Об огромных выплатах из казны Минина каждому воину, десятнику, сотнику, на которые после освобождения от поляков Москвы можно покупать земли, дома, сёла и улицы городов...

Чего ждал Пожарский, посылая своих гонцов в Москву и Коломну? Что побегут казаки-разбойники Заруцкого из его стана куда глаза глядят, на все четыре стороны... Что разбежится его войско – лучше рано, чем поздно... Что сам атаман Заруцкий с ближним окружением побегит из Москвы в Коломну, забирать «царицу» и «ворёнка», оставив других казаков у разбитого корыта без денег, без продовольствия, без каких-либо радужных перспектив на будущее... И ведь сработал план Пожарского по разложению войска казаков-разбойников, судя по слёзному письму Заруцкого в Ярославль главному воеводе второго ополчения, – атаман готов был увести часть казацкого полчища из московского стана в Коломну и дальше на юго-восток для вербовки новой воинской силы, с которой надо будет считаться...

Только не ожидал Пожарский, что перед бегством из своего подмосковного стана так сильно и опасно хлопнет дверью завистливый и амбициозный атаман, «тушинский боярин», любимец Лжедмитрия Второго...

Понял атаман, что Пожарский ему не ответит, и решил сам напоследок перед своим уходом на юго-восток ударить по своему сопернику на царский престол Пожарскому. По тайному приказу Заруцкого в Ярославль с целью убийства главного воеводы были отправлены два лихих казака с именами Степан и Обреска. В Ярославле им удалось вовлечь в преступный план Заруцкого ещё троих заговорщиков: смолян Ивана Доводчикова и Шонду, а также рязанца Семёна Хвалова, который раньше служил у Пожарского боевым холопом и много знал о своём князе, его привычках и распорядке быта. После быстрого анализа заговорщиков, где и как сподручней организовать покушение на главного воеводу ополчения, те приняли общее решение зарезать Пожарского, когда тот будет осматривать новые пушки войска на центральной площади Ярославля.

Только в тесноте сборища ополчения лихой казак Степан, намереваясь ударить Пожарского в живот несколько раз, промахнулся и ударил ножом в бедро стоявшего рядом ополченца Романа. Конечно, не случайно и глупо промахнулся лихой казак, его руку с ножом успел отвести в сторону сотник Фрол Сидоров, вовремя увидевши бешеные, налитые кровью глаза inferнального посланника Заруцкого. Степана тут же схватили спутники Пожарского, Фрол Сидоров и другие сотники, заломили ему руки, повязали и заковали в железа.

На пытке казак Степан признался в тайном поручении атамана Заруцкого – о необходимости убийства Пожарского – при организации заговора в Ярославле. Казак назвал всех сообщников, которые в тот же день были арестованы. Когда о признании казака Степана и аресте всех сообщников было доложено Пожарскому, тот вызвался провести дополнительный допрос для определения вины всех заговорщиков и возможности их покаяния в содеянном.

Во время допроса Пожарский с удивлением узнал от казаков Степана и Обрески, что многие казаки атамана Заруцкого – и они в их числе вместе с атаманом – присягнули уже новому царю «Дмитрию Ивановичу».

– Псковскому вору с именем Исидор, или Сидорка, присягнули? – спросил с лёгкой усмешкой Пожарский. – Нашли кому присягать... Ваш атаман Иван Заруцкий трижды царю «Дмитрию Ивановичу» присягал, только у всех троих рожи были разные, одна страшней другой.

– Атаман приказал нам присягать царю, мы и присягнули, – озираясь испуганно по сторонам, лязгая зубами, еле выговорил Обреска. – Откуда мы знали, что он не природный царь... Приказа атамана не гоже слушаться...

– Даже когда этот приказ атамана требует от тебя убийства живого человека? – сурово спросил Пожарский и, не дожидаясь ответа, брезгливо махнул рукой, мол, и так всё ясно со злодеями.

После затянувшейся неловкой паузы присутствовавший на допросе сотник Фрол Сидоров спросил, вроде как обращаясь ко всем заговорщикам:

– Чем же вам наш главный воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский не угодил? Вроде он, как и ваш атаман Заруцкий, выступает за освобождение Москвы от поляков... Не пойму я вас и вашего атамана...

– Да мы и сами ничего не поняли, – сказал за всех Обреска, – не по душе мне был приказ убить главного воеводу земского ополчения, слухи о котором идут по всей земле...

– И ты тоже не понял, старый знакомец Семён Хвалов? – без тени улыбки спросил Пожарский. – Чего я тебе плохого сделал, Семён, что ты решил убить меня за всё хорошее, что ты получил от меня раньше?

– Прости, князь, если можешь, и помилуй, – промолвил в слезах Семён, вставая на колени и сясь поцеловать руку Пожарскому.

– Будя, будя, Семён, – сказал Пожарский, брезгливо отдергивая свою руку. – Если покаетесь в содеянном преступлении, то всех прощу, никого не накажу...

– Каемся, князь... – в один голос выдохнули заговорщики, исполнители злой воли лихого атамана Заруцкого.

– Раз покаяться, то вы все прощены... – Пожарский поморщился, вспомнив, как часто он говорил эту фразу. – Вам, присягнувшим вору псковскому Сидорке, сейчас сотник Фрол расскажет, как настигла смерть напрасная третьего самозванца, скрывавшегося под личиной «царя Дмитрия Ивановича»... Порадуй или опечаль их всех, Фрол...

И сотник Фрол Сидоров рассказал, как «псковский вор» Лжедмитрий Третий с полумием Сидорка пытался при очередной замятне шведов и казаков бежать из Пскова в Гдов в ночь на 18 мая 1612 года. За ним была отправлена погоня из отряда псковичей. Через два дня его поймали, вернули в Псков, посадили закованного в цепи в клетку. И выставили на всеобщее обозрение с присказкой – «последний самозванец, царевич Дмитрий». В тюрьме самозванец Лжедмитрий Третий в железах просидел до июля. Когда 1 июля 1612 года Лжедмитрия Третьего повезли в Москву, по дороге на обоз напал отряд поляков под командованием шляхтича Лисовского. Псковичам ничего не оставалось делать, как прикончить «вора Сидорку» и удирать от поляков со всех ног...

– Так что отменяется ваша присяга, воины, – рявкнул сотник Фрол Сидоров, – скоро будете присягать настоящему избранному природному царю Дмитрию Михайловичу Пожарскому...

– Хоть сейчас, – пискнули два казака Степан и Обреска, – с превеликим удовольствием и глубоким уважением...

– Будя, будя, казаки. Не надо так... Рано, рано... – пробурчал, поморщившись, Пожарский. – Пусть будет, как будет, если это угодно Богу... Прощены вы все, больше не безобразничайте. А хочется ножичком или мечом побаловаться, так вступайте в наше ополчение против врагов наших...

Глава 8

В конце июля земское народное ополчение Пожарского и Минина выступило из Ярославля, Пожарский захотел придать символическое значение выхода своего многотысячного ополчения, отслужив молебен в Спасском монастыре у гроба ярославских чудотворцев (пришедшего в Ярославль из Николина града Можайска первого Можайского князя и святого Фёдора Ростиславовича Чёрного и сыновей его Давида и Константина). Взяв у гроба святого Фёдора Можайского и Ярославского благословение у митрополита, ополчение, отошедши семь вёрст от города, остановилось на ночлег, здесь главный воевода Дмитрий Михайлович Пожарский передал свою рать под начало князя Ивана Хованского и старосты Кузьмы Минина, приказав им идти на Ростов и ждать его там. А сам с небольшим конвойным отрядом поехал в родной Суздаль в Спасо-Евфимьевский монастырь – помолиться у гробов своих предков из знатного старинного рода Стародубских князей Рюриковичей.

Потом уже, через триста пятьдесят, четыреста лет, ревнители русской старины обратят внимание на то, что в лихие времена Смуты воеводы и князья перед решающими походами и сражениями не отправлялись к прародительским гробам за символическим благословением. Зато в традициях великих князей и царей Московских, начиная с Ивана Великого, было непременно и обязательное деяние молитвы у отеческих гробов ради получения символического напутственного благословения рода перед решающим походом на опасное сражение. В конце концов, даже Лжедмитрий Первый, только войдя в Москву, прежде всего пошёл молиться в Архангельский собор к отеческим гробам своих предков, московских великих князей и царя Ивана Грозного. Многие, кто ошибочно видели в Лжедмитрии I безродного авантюриста Гришку Отрепьева, посчитали такое молитвенное обращение к гробам предков за символическим благословением дешёвым фарсом и показухой, «игрой на публику самозванца». Да, Лжедмитрий I действительно был самозванцем, выдававшим себя за сына Ивана Грозного и Марии Нагой, царевича Дмитрия. Но в жилах Лжедмитрия I, во что был посвящён читатель в предыдущих авторских откровениях, текла кровь Московских Рюриковичей. Отца Ивана Грозного, деда Василия Ивановича, прадеда Ивана Великого, прапрадеда Василия Тёмного и так далее до основателя Москвы Юрия Долгорукого и крестителя Руси Владимира Святого...

Формально Лжедмитрий I проиграл поход на царство и сражение с боярином Василием Шуйским (которого приговорил к смерти на Соборе, но помиловал), просидев на царском троне с 1 июня 1605 года по 17 мая 1606 года, погибнув от рук заговорщиков мятежа, во главе которого стоял его убийца князь Василий Голицын и будущий царь Василий Шуйский...

И вот исторический парадокс: следуя традициям великих московских князей и царей – включая и самодержца-самозванца Лжедмитрия Первого, – князь Дмитрий Михайлович Пожарково-Стародубский также молится у отеческих гробов своего рода князей Стародубских Рюриковичей, идя на сражение против поляков, освобождая Москву под знамёнами ополчения с львиным гербом рода. Значит, он шёл сражаться и за царство Московское?.. Пожарский вместе с Трубецким победит гетмана Ходкевича, выбьет поляков из Кремля, освободит Москву. Но Пожарский проиграет битву за престол, начав первым собирать Земский Собор в Ярославле, но практически самоустранившись от выдвижения при избрании царя на Соборе в феврале 1613 года. Обратим внимание читателя на одно знаковое символическое совпадение. В феврале 1613 года, когда при втором избрании (после Годунова) царя самоустранился от выдвижения Пожарский и когда будет избран тайными закулисными силами и донскими казаками 16-летний стольник Михаил Романов, из Можайска предателями-воеводами Микулиным и Блиновым будет угнан в Литву деревянный чудотворный образ Николы Можайского, Чудотворца и Меченосца. Знаковое историческое совпадение, символическое и мистическое, ни больше, ни меньше...

С уходом из подмосковного казацкого стана-«табора» войск атамана Заруцкого также связана таинственная, в высшей степени мистическая история. По известиям русских летописцев, когда атаману передали, что устроенное им покушение на Пожарского провалилось и что из Ярославля на Москву вышло сильное, хорошо вооружённое земское войско, Заруцкий тут же увёл всё свое казацкое войско в две с половиной тысячи в Коломну. Придя туда, Заруцкий разгромил город, взял с собой Марину и Ивана-ворёнка и пошёл в рязанские волости, опустошая их, чтобы временно остановиться в Михайлове перед дальнейшим броском на юго-восток.

Польские историки Смуты вычленили другие причины, побудившие Заруцкого оставить свой хорошо обустроенный подмосковный стан сразу же после сообщения его людей о том, что покушение на Пожарского провалилось, покушавшиеся всё рассказали о заказчике убийства, покаяться и прощены главным воеводой земского ополчения. Сразу после этого Заруцкий откликнулся на предложение гетмана Ходкевича перейти на сторону короля и вступил в доверительные отношения с гетманом через своего посредника. Посредником стал один казак из войска Яна Сапеги, по имени Бориславский, который явился в подмосковный стан Заруцкого и сказал, что недоволен службой под началом Сапеги и хочет служить атаману. Бориславского как посредника и решил использовать Заруцкий в сношениях с гетманом в его ставке в Рогачёве.

Стороны почти договорились о переходе атамана Заруцкого с его казаками-разбойниками под начало польского гетмана, но в последний миг о переговорах ставленника атамана Бориславского и Ходкевича, желании Заруцкого переметнуться на сторону поляков стало известно в стане князя Трубецкого. Это случилось после того, как другой поляк, пан Хмелевский, решив выслужиться перед князем Трубецким, бежал к нему от Ходкевича и рассказал о переговорах посредника Бориславского и предательстве Заруцкого первого ополчения. Бориславского люди Трубецкого схватили и пытали, тот под пытками признался, что Ходкевич ждёт войско Заруцкого к себе.

Узнав о гибели Бориславского под пытками и о том, что дорога к Ходкевичу блокирована казаками Трубецкого, Заруцкий был вынужден бежать ночью из своего стана с войском в 2500 казаков по открытой Коломенской дороге, чтобы разорить Коломну в бессильной злобе от крушения своих планов убийства Пожарского и корыстного бегства к полякам. Вот и рассуждай на тему, как помогли молитвы Пожарскому у гроба князя Фёдора Можайского и Ярославского и у отеческих гробов рода князей Стародубских в Суздале. Несостоявшийся убийца Пожарского, не переметнувшись к полякам, ослабил не только войско гетмана Ходкевича (без казаков Заруцкого), но и войско первого ополчения Трубецкого с его неверным союзником, случайным амбициозным попутчиком в битве против поляков, засевших в Кремле и Китай-городе.

Нужен был в походе на Москву Пожарскому митрополит Кирилл как посредник с казаками, с казацкими атаманами и князем Трубецким, призвавшим под своё начало большое донское казацкое войско и меньший по составу отряд уральских казаков. Были у Пожарского и потаённые мысли привлечь владыку Кирилла на свою сторону при избрании на царский трон. Только об этом воевода ещё не осмелился говорить открыто с митрополитом. Но получив требуемое благословение, Пожарский услышал резкий отказ от митрополита Ростовского сопровождать земское войско и лично улаживать ссоры с казацкими атаманами и лично с Трубецким.

– Говори как на духу, владыка, почему отказываешь? Снова церковные интриги? – едко спросил Пожарский, оставшись с глазу на глаз с митрополитом Ростовским Кириллом.

– А как же без интриг в таких случаях? – усмехнулся Кирилл. – Вот именем усопшего владыки Крутицкого Пафнутия священники из Москвы своих эмиссаров ко мне засылали. Шутить изволили сотоварищи покойного Пафнутия, мол, со своим «львиным» флагом

на Москву новый царь Московский выступает и своего «карманного митрополита» нашёл вовремя, чтобы двинуть того на патриарший престол. Вспомнили товарищи усопшего Пафнутия о недавнем успешном продвижении Годунова и Иова на престол царский и патриарший... – И грустно выдохнул Кирилл напоследок: – Не рады будут мне в Москве присные усопшего Пафнутия, ведь от Пафнутия шла и идёт прямая связь с его патроном, здравствующим в Польше владыкой Филаретом... Не пустят меня ни в поход с тобой, князь, ни на престол московский, будут товарищи недавно усопшего митрополита Крутицкого Пафнутия с ведома хитрого и коварного Филарета мне мешать улаживать дела взаимодействия земского ополчения и казацкого войска...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.